

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'42:316.72

ББК 81.1+60.524

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-221>

Н. Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия

Natalya N. Koshkarova
Chelyabinsk, Russia

Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра

Статья посвящена анализу жанра публичного извинения в диахроническом и синхроническом аспектах. Материалом для исследования послужили данные различных типов дискурса: художественный, диссидентский, судебный, политический, массмедийный. В качестве ведущего при анализе функционирования жанра публичного извинения в разных типах интеракции использовался метод дискурсивного анализа, применение которого сопровождалось контекстуальным изучением коммуникативных ситуаций. В статье рассматривается коммуникативная цель публичного извинения как жанра, проводится граница между извинением и покаянием, определяется место публичного извинения в ряду других жанров применительно к судебному дискурсу. Выделяются когнитивно-дискурсивные особенности жанра публичного извинения при функционировании в рамках политического дискурса. Представлен обзор форм публичного извинения на внутри- и межгосударственном уровне. Описывается жанр публичного извинения как актуализация ценностей дискурса новой чувствительности. В качестве отдельного формата анализируемой жанровой разновидности исследуются ролики в жанре публичного извинения. Делается вывод о том, что жанроведческий подход к анализу коммуникативных практик в диахронии и синхронии позволяет не только описать существующее положение дел с номенклатурой жанров, но и прогнозировать развитие жанрового пространства.

Ключевые слова: речевой жанр, публичное извинение, диахрония, синхрония, аксиогенная ситуация, эмоции, когнитивно-дискурсивные особенности, жанроведческий подход.

Public Apology: Yesterday, Today, Tomorrow

The article describes the genre of public apology in the diachronic and synchronic aspects. The data from different types of discourse serve as the material for the analysis: belles-lettres, nonconformist, judicial, political, mass-media. The method of discourse analysis was the leading one while analyzing the functioning of public apology in various types of interaction. The method of contextual study of communicative situation was also applied. The article defines the communicative aim of the public apology, draws a boundary line between an apology and penitence, and identifies the position of public apology among other genres of judicial discourse. Within the framework of political discourse the author singles out cognitive and discourse peculiarities of public apology and describes the forms of public apology on the national and international levels. The genre of public apology is viewed as representation of values in the discourse of new sensibility. The videos in the format of public apology are analyzed as a separate genre mode. There is a conclusion that the genre approach to the study of the communicative practices in the diachronic and synchronic aspects allows to describe not only the current situation with the genre nomenclature, but also to forecast the development of genre forms.

Keywords: speech genre, public apology, diachrony, synchrony, axiogenic situation, emotions, cognitive and discursive peculiarities, genre approach.

Сведения об авторе: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет, Челябинск.

E-mail: nkoshka@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8861-0353>

About the author: Koshkarova Natalya Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor of the International Relations, Political Science and Regional Studies Department.

Place of employment: South-Ural State University, Chelyabinsk.

E-mail: nkoshka@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8861-0353>

Введение

Жанр публичного извинения не так часто становился объектом научных изысканий лингвистов. Из наиболее известных работ по заявленной проблематике следует выделить главы Р. Лакофф “Apologies as Language Politics; The Un-Apology” в книге “The Language War” (пер. в «Жанрах речи» [1]), в которой автор проводит демаркационную линию между публичным и межличностным извинением. Разграничению функциональных особенностей извинения в публичной речи и бытовом общении посвящена статья Л. О. Чернейко, И. Юй [2]. Опыт реализации политики извинения государства перед социальными группами проанализирован в публикации Е. В. Ерохиной [3]. В своей работе [4] мы описывали структуру жанра публичного извинения, рассматривали его связь с такими коммуникативными феноменами, как клевета, диффамация и слухи. Однако, как показывает анализ речевого материала и ретроспективный взгляд на речевое поведение носителей русского языка, жанр публичного извинения возник не сегодня и не 3–5 лет назад. Так, в рамках судебного дискурса как один из элементов речевого поведения обвиняемого публичное извинение функционирует «в институциональной обстановке, накладывающей определенные ограничения на речевое поведение участников общения» [5: 5]. При этом необходимо отметить, что зарубежные ученые более пристально анализируют жанр публичного извинения: как средство восстановления имиджа [6], структуру эффективного публичного извинения [7], кросс-культурные аспекты публичного извинения на материале английского и французского языков [8]. В то же время отечественные исследователи языка не уделяют столь пристального внимания жанру публичного извинения, который нуждается в более строгой дефиниции, описании структурных и когнитивно-дискурсивных особенностей, сопоставительном изучении в аспекте синхронии и диахронии.

Материал и методы исследования

С целью комплексного изучения жанра публичного извинения в настоящем исследовании в качестве эмпирической базы использовались материалы художественной литературы, представляющие авторскую, но основанную на реальных исторических событиях интерпретацию указанной жанровой разновидности. Как уже было указано, жанр публичного извинения функционирует прежде всего в правовой сфере, следовательно, обращение к судебному и шире официальному дискурсу является необходимой частью теоретико-методологической базы анализа. Наконец, массмедийный

дискурс и интернет-коммуникация как фиксирующие речевое поведение носителей языка не постфактум, а в момент функционирования в рамках той или иной социальной общности, являются благодатным источником данных по изучению модифицированных вариантов публичного извинения, детерминированных аксиологическими и ценностными приоритетами определенной эпохи.

Действительно, языковая и речевая система, представленная определенной номенклатурой жанров, вербализованная в наборе текстов, построенная на тех или иных когнитивных принципах, находится в тесной взаимосвязи с коммуникативными ценностями, которые В. В. Дементьев определяет как коммуникативную категорию, которая «регулярно и закономерно проявляется в языковой и речевой системе системы языковой оценки, аспекты лексической номинации, нормы конкретных речевых жанров и др.), в тексте (оценочная деятельность) и в общих когнитивных отношениях человека с миром (аспекты оценочной культурно-языковой картины мира)» [9: 28]. Одновременно с этим публичное извинение вполне правомерно трактовать как аксиогенную ситуацию (термин В. И. Карасика [10]), так как основное содержание анализируемого жанра – это всегда раскаяние за поступки, находящиеся на отрицательном полюсе вектора «порок-добродетель».

Выбор материала для исследования определяет репертуар методов, применяемых для анализа эмпирической базы: с целью изучения функционирования жанра публичного извинения в диахроническом и синхроническом аспектах в качестве ведущего использовался метод дискурсивного анализа, применение которого сопровождалось контекстуальным изучением коммуникативных ситуаций. Дискурсивный анализ позволяет рассмотреть жанр во всей совокупности его проявлений: как социолингвистическое явление, с точки зрения прагмалингвистики и в деятельностном аспекте. Контекстуальный анализ дает возможность интерпретировать языковой элемент «с опорой на его окружение» [11: 110]. В случае жанра публичного извинения контекст может быть социолингвистическим (советская эпоха vs постсоветский период), ситуативным (извинение за поступок vs извинение за словесное оскорбление), статусным (извинение от имени государства vs извинение от имени отдельного человека).

Извинение: чувства или приказание?

Прежде чем дать характеристику публичному извинению как жанру в типологии РЖ, необходимо сказать несколько слов об извинении

как таковом. Напомним, что Дж. Серль относил извинение к экспрессивам, иллюкутивная сила которого состоит в том, чтобы «выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» [12: 183]. Аналогичной трактовки придерживается Т. В. Ларина, которая основную функцию извинения определяет следующим образом: «восстановить социальный баланс или гармонию между коммуникантами» [13: 347]. Однако Р. Ратмайр ставит под сомнение статус извинения как экспрессивного речевого акта и интерпретирует его как директив [14]. Вероятно, статус извинения как речевого акта будет зависеть от культуры, в рамках которой он функционирует, и от лексических способов его выражения.

Вместе с тем приходится констатировать тот факт, что извинение, функционируя на уровне речевой коммуникации, выступает не как речевой акт, а как речевой жанр, так как главным жанрообразующим признаком, по мнению Т. В. Шмелевой, является коммуникативная цель [15]. Коммуникативная цель извинения как речевого жанра заключается в регулировании межличностных (а в случае публичного извинения – межгосударственных) отношений, восстановление имиджа человека и(или) государства, возобновление сотрудничества (коммуникативного или межличностного, межгосударственного). Безусловно, такой коммуникативной цели отвечают не все случаи использования лексических маркеров извинения. Так, в русском языке существуют десемантизированные формулы *прости(те)*, *извини(те)*: *Никакого центра нет, поэтому сплошной, извините меня за известное выражение, волюнтаризм в этом деле* [16].

Диахронический аспект публичного извинения

Несмотря на тот факт, что время, в которое мы живем, нередко называют «эпохой извинения», анализируемый жанр был широко распространен в советскую эпоху, когда официальному дискурсу противостоял так называемый диссидентский дискурс, «основанный на бинарных оппозициях “нонконформисты” – “власть”, “социально активный индивид” – “общественно пассивное население”, “духовно свободный диссидент” – идеологически поработанный народ» и т. д.» [17: 21]. Одним из пенитенциарных инструментов официального дискурса в то время было стремление власти заставить человека извиняться за противопоставление себя обществу, интеллектуальное свободомыслие, творческое самовыражение, идущее в раз-

рез с официальной идеологией. В единое дискурсивное пространство жанра публичного извинения при советской власти были вплетены другие события и жанровые образования: психологическое давление, шантаж, угрозы, запугивание. Вот как описывает принуждение к публичному извинению один из основателей и активный участник диссидентского движения в СССР В. К. Буковский в своей книге «И возвращается ветер ...»: *Работники КГБ в разговорах со мной признавали теперь, что судили меня неправильно – не надо было судить. И готовы они сейчас исправить эту ошибку – выпустить меня. Но я, видите ли, должен им помочь – письменно покаяться, попросить помилования. Получалось совсем смешно: мы виноваты, а ты извинись. Убедившись, что такой выход для меня неприемлем, они еще больше снизили требования. По их словам, достаточно мне отказаться от какой-либо общественной деятельности в будущем, не говоря ни слова о прошлом или об убеждениях, и в лагерь ехать не придется. – Ну, если вам так не нравится слово «помиловать», напишите: «Прошу освободить»* [18: 215].

«Призывы к совести» и моральные терзания субъекта диссидентского дискурса иногда достигали своей цели, и в обмен на смягчение наказания власти удавалось добиваться «покаянных» речей от диссидентов. Так, например, произошло с грузинским общественным, политическим и государственным деятелем Звиадом Гамсахурдия, который 7 апреля 1977 г. выступил с покаянным заявлением. Приведем текст речи: *В 1974 г. через своих московских знакомых я установил и поддерживал контакты с рядом сотрудников дипломатических представительств буржуазных государств в Москве и в частности с первым секретарем внутриполитической секции посольства США в СССР Игорем Белоусовичем. От него я получил антисоветскую литературу, изданную за границей и привезенную в нашу страну для распространения. На следствии я подробно рассказал о совершенном мною преступлении. Хочу отметить, что после долгого раздумья я понял, что глубоко заблуждался и что моя деятельность во многом была вредной. Поэтому я искренне сожалею о содеянном мною, раскаиваюсь в содеянном и осуждаю совершенные мною преступления. Желаю также отметить, ибо обязан это сделать, что моему отцу Константину Гамсахурдия ничего не было известно о моей антисоветской деятельности. Отец всегда внушал мне мысль о превосходстве советской общественно-политической формации над другими государственными системами*

и доказывал это на конкретных примерах. Он старался привить мне любовь и преданность к советскому народу. Сейчас я глубоко сожалею, что не прислушался к голосу моего отца и встал на путь антисоветской деятельности. Я никогда не забуду слова моего отца: «Служить преданно нашему народу, культуре, языку можно только открыто и честно» [19].

С лингвистической точки зрения приведенная речь – это яркий пример жанра покаяния, который, по мнению В. А. Масловой «проявляется при реконструкции духовных ценностей (грех, стыд, вина и др.), концептов (сожаление, совесть, нравственность)» [20: 98]. Действительно, в речи диссидента эксплицированы такие духовные ценности, как сожаление (я искренне сожалею о содеянном мною), почитание отца (я глубоко сожалею, что не прислушался к голосу моего отца), служение отчизне (служить преданно нашему народу, культуре, языку). В аксиологическое пространство анализируемой речи включены также и антиценности: заблуждение (я понял, что глубоко заблуждался), ослушание (я глубоко сожалею, что не прислушался к голосу моего отца). На концептуальном уровне аксиологическим и содержательным центром покаянного заявления выступают семья и семейные ценности, предательство которых синонимично антисоветской деятельности. Таким образом, мы видим, что «религиозный жанр речи “покаяние” претерпел трансформацию под влиянием исторических и культурных изменений в XX веке» [21: 27], что проявляется в динамике его смыслового содержания от соотнесения своих поступков с церковными нормами до самобичевания и самокритики.

Публичное извинение в судебном дискурсе

Судебный дискурс, выступая институциональным типом интеракции, по справедливому замечанию Т. В. Дубровской, «ритуализован, а повторяющиеся ситуации взаимодействия закреплены в специфических жанровых формах» [5: 20]. На наш взгляд, одним из нормативно обусловленных жанров судебного дискурса, выходящим за рамки юридического общения и функционирующим в массмедийном пространстве, является жанр публичного извинения. Одна из причин такой взаимообусловленности дискурсов видится нам в том, что нередко на скамье подсудимых оказываются селебрити, ищущие славу через скандальные истории и становящиеся героями криминальных сводок. Так, во время судебного процесса над нападающим петербургского

«Зенита» А. Кокориным и полузащитником «Краснодара» П. Мамаевым от обоих участников громкой истории последовали публичные извинения. Следует отметить, что А. Кокорин принес извинения не только пострадавшему Д. Паку, но и болельщикам, одноклубникам и тренерскому штабу: *Здравствуйте! Я, Александр Кокорин, хочу принести извинения своим болельщикам, ребятам из команды и тренерскому штабу. За то, что подвел их и не могу помочь своим участием в тренировочном процессе и соревнованиях. Как спортсмен и человек публичный я не должен был так поступать, извиняюсь, не сдержался. Признаю, что моя реакция на оскорбления меня, моего брата и остальных присутствующих была чрезмерной, но после конфликта я публично извинился и готов загладить причиненный вред. Урок я полностью усвоил, тюрьма этому способствует, очень хотелось бы выйти на волю, активно заняться спортом и все свободное время посвятить своей семье. Огромное спасибо за поддержку, она всегда для меня важна как в изоляторе, так и на свободе. Ваш Саша.*

Как видно из приведенного текста письма, основными тактиками, используемыми в жанре публичного извинения согласно риторическому канону судебного дискурса, является тактика интимизации общения (*Ваш Саша*), тактика апеллирования к общечеловеческим ценностям (*за то, что подвел их и не могу помочь своим участием в тренировочном процессе и соревнованиях*), тактика солидаризации с целевой аудиторией (*Огромное спасибо за поддержку, она всегда для меня важна как в изоляторе, так и на свободе*). Реализация аксиологического компонента характерна и для речи извинения, произнесенного в суде: *Хотелось бы по-человечески примириться, прошло много времени. Понимаю, конфликт неприятный. Мы бы друг друга поняли, я думаю.* В жанре публичного извинения применительно к анализируемому типу дискурса важная роль принадлежит суперсегментным единицам языка (интонация, тон, ритм) и невербальной коммуникации (мика, поза, жесты). Так, известно, что во время произнесения указанной речи А. Кокорин читал ее по бумажке, несколько раз запнулся, что не добавляет аргументов в пользу искренности публичного извинения.

Семантическим центром публичного извинения другого фигуранта судебного процесса, П. Мамаева, стала личность самого обвиняемого: *Я не собираюсь скрываться, мешать следствию вести дело, я готов помогать. Хочу публично извиниться перед пострадавшими в связи с моими вопиющими действиями, я не имел права, я это признаю.*

Персонализация, доминирующая в данном высказывании, позволяет преодолеть формализованный характер судебного дискурса, а с точки зрения лингвопрагматики для жанра публичного извинения характерно «позиционирование субъекта как носителя свободной воли, который берет персональную ответственность за высказывания» [22: 112]. Прием синтаксического параллелизма усиливает иллокутивную силу речи и делает публичное извинение в совокупности с другими риторическими приемами эффективным инструментом воздействия на целевую аудиторию.

Как извиняются государства и их лидеры

При функционировании в рамках политического дискурса публичное извинение обрывает новыми когнитивно-дискурсивными характеристиками: во-первых, анализируемый нами жанр переходит с уровня межличностных в формат межгосударственных отношений; во-вторых, принося извинение, государство и(или) его лидер должен осознавать, является ли это демонстрацией силы или слабости; наконец, публичное извинение от имени государства или его главы должно быть произнесено в нужный момент, так как лишь своевременное извинение способно вывести отношения с народом и другими странами в конструктивное русло.

Во многих случаях извинения государства или отдельных государственных лиц вплетены в исторический контекст. Так, в 2014 г. правительство Тюрингии (одной из федеральных земель на востоке Германии) возглавил Бодо Рамелов, приверженец левых ценностей. В своей речи по случаю вступления в новую должность Б. Рамелов принес извинения жертвам диктатуры Социалистической единой партии Германии за нарушение их прав со стороны властей ГДР. В данном случае политик взял ответственность за преступления, совершенные в далеком прошлом, однако восстановление исторической истины представляется куда более важным дивидендом от искреннего извинения, чем сиюминутная политическая выгода.

В целом на межгосударственном и внутривнутригосударственном уровнях можно выделить следующие формы публичного извинения: 1) мирные договоры; 2) сатисфакции, которые могут «состоять в официальном признании совершенного нарушения, в выражении сожаления, в устных или письменных официальных извинениях» [3: 62] наряду с материальной компенсацией; 3) устные заявления государства и отдельных политиков; 4) деятельность государственных и межгосударственных органов по восстановлению прав той или иной

этнической, социальной или правовой группы (например, Постоянная палата международного правосудия); 5) личные поступки государственных деятелей.

Как людей заставляют извиняться публично

В Интернете как воплощении компьютерно-опосредованной коммуникации в последнее время набирает популярность публичное извинение, которое иногда может быть вынужденным и принудительным. Полагаем, что жанр публичного извинения стал активно распространяться в связи с формированием дискурса новой чувствительности, когда «задается такая эмоциональная модель общения, при которой главным становится выражение чувств и эмоций индивида» [23: 148]. Извиняются публично все: от руководителей различного уровня до рядовых граждан.

18 февраля 2019 г. тогда еще врио главы Республики Башкортостан Радий Хабиров решил попросить прощения у жителей Башкирии за мэра Сибая Рустэма Афзалова, назвавшего митингующего жителя города «козлом и экскрементом»: *Вы совершили серьезную ошибку. Оскорблять человека нельзя. Я вместо вас извиняюсь, перед тем, кого вы имели в виду, и считаю, что на этом инцидент исчерпан.* В приведенном высказывании наличествуют признаки языка официального дискурса (*на этом инцидент исчерпан*), который стремится выйти за рамки делового стиля и переходит в разряд лично ориентированной коммуникации.

Отдельной формой жанра публичного извинения стали ролики, в которых людей заставляют извиняться за совершенные ими поступки. Вот лишь некоторые из них: 1) в 2017 г. вышел ролик с извинениями директора компании – владельца издания «Петербургская газета» по следам интервью о том, что ингуши должны «благодарить Сталина» за депортацию 1944 года; 2) в том же году в сети появилось видео со студентом РАНХиГС О. Терещенко, которого однокурсники заставили просить прощения за оскорбительные, по их мнению, комментарии во «ВКонтакте»; 3) 18 декабря 2015 г. на чеченском государственном телеканале «Грозный» вышел сюжет о встрече главы республики Р. Кадырова с жительницей Чечни А. Инаевой, которая извиняется за свое обращение в WhatsApp'e о бедности обычных чеченцев и с критикой Кадырова.

Анализ речевого и видеоматериала позволяет нам дать характеристику определенному канону, по которому строится ролик в жанре публичного извинения: 1) ролик предваряет

скриншот или фрагмент оригинального ролика, который подтверждает распространение оскорбительных высказываний, жалобы или обиды; 2) в случае с роликами, вышедшими на правительственный уровень, собирается специальная комиссия, в которую входят высокопоставленные люди; 3) «виновник» озвучивает мотивы, побудившие его распространить оскорбительные высказывания: привлечение внимание, обогащение, улучшение жилищных условий; 4) в некоторых случаях к извинению привлекают родственников героя репортажа, которые объясняют, что у него все в порядке, а жалобы – надуманные; 5) если была создана специальная комиссия для разбирательства дела, то они негодуют, что люди распространяют ложные сведения; 6) герой ролика в жанре публичного извинения признает свою неправоту, извиняется и делает это с пристыженным видом; 7) в конце ролика звучит нравоучение его автора о том, что нельзя распространять непроверенные сведения, оскорблять кого-то или наживаться за чей-либо счет.

Таким образом, основной прагматический потенциал ролика в жанре публичного извинения можно определить как компенсацию за сообщение клеветнического, диффамационного или оскорбительного характера. Как уже было сказано выше, ролики в жанре публичного извинения функционируют в рамках дискурса новой чувствительности, субъектом которого является жертва – человек, которого

обидели или оскорбили. Публичное извинение в этой связи актуализирует одно из главных чувств нового типа дискурса – обиду и уязвимость.

Заключение

Анализ функционирования жанра публичного извинения на материале различных типов дискурса (художественный, диссидентский, судебный, политический, массмедийный) позволяет нам прийти к выводу о том, что люди извинялись всегда и по разным поводам. Безусловно, варьировалась степень искренности подобных извинений, но современная речевая ситуация дает основания говорить о том, что в связи с доминированием эмоций в языке количество извинений будет только увеличиваться. Жанроведческий подход к анализу коммуникативных практик в диахронии и синхронии, использованный в настоящем исследовании, дает возможность не только описать существующее положение дел с номенклатурой жанров, но и прогнозировать развитие жанрового пространства. Так как в ядерной зоне носителей языка находятся средства различных уровней, описывающие эмоции и чувства, то можно предположить, что инструменты для выражения эмоционального состояния будут расширяться и приобретать новые формы. Возможно, жанр публичного извинения модифицируется в плане своих структурно-семантических и когнитивно-дискурсивных особенностей.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00192).

ACKNOWLEDGEMENTS

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-012-00192).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакофф Р. Прагматика публичного извинения // Жанры речи: сб. науч. тр. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 183–192.
2. Чернейко Л. О., Юй И. К вопросу о функционировании извинения в бытовом и публичном типах речи // Вестн. Башкир. ун-та. 2017. Т. 22, № 4. С. 1141–1146.
3. Ерохина Е. В. Публичное извинение государства: российский и зарубежный опыт // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты. Челябинск: Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018. С. 60–63.
4. Кошкарлова Н. Н. Публичное извинение как жанр интернет-коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 62–67.

5. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
6. Sandlin J. K., Gracyalny M. L. Seeking sincerity, finding forgiveness: YouTube apologies as image repair // Public Relations Review. 2018. Vol. 44. P. 393–406.
7. Lewicki R. J., Polin B., Lount Jr. R. B. An Exploration of the Structure of Effective Apologies // Negotiation and Conflict Management Research. 2016. Vol. 9, № 2. P. 177–196.
8. Ancarno C. When are public apologies ‘successful’? Focus on British and French apology press uptakes // Journal of Pragmatics. 2015. Vol. 84. P. 139–153.
9. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.
10. Карасик В. И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.
11. Москвин В. П. Методы и приемы лингвистического анализа. М.: Флинта, 2015. 224 с.

12. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170–195.

13. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

14. Ратмаир Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.

15. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. тр. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

16. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. М., 2012. Т. 29(197). 784 с.

17. Серебрякова Е. Г. Литературно-публицистическое наследие диссидентов как объект культурологического исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2015. № 3(19). С. 17–25.

18. Буковский В. И возвращается ветер Нью-Йорк: Хроника, 1978. 390 с.

19. Гамсахурдия З. Фрагмент д/ф «Грузия – одна» (1994). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wViYjZD5wac> (дата обращения: 09.01.2020).

20. Маслова В. А. Покаяние: жизнь человека, деятельностный концепт или жанр? // Жанры речи. 2016. № 1. С. 94–99. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-94-99>

21. Карманова С. В. Об особенностях исторических изменений жанра покаяния // Язык и социальная динамика. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, 2014. С. 23–28.

22. Крапивкина О. А. О способах вербализации субъекта в юридическом дискурсе // Вектор науки ТГУ. 2015. № 2 (32-1). С. 111–114.

23. Кошкарлова Н. Н., Яковлева Е. М. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 147–152.

REFERENCES

1. Lakoff R. Pragmatika publichnogo izviniya [Apologies as Language Politics; The Un-Apology]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : coll. of sci. works]. Saratov, ITs “Nauka”, 2007. Vol. 5. Zhanr i kultura [Genre and culture], pp. 183–192 (in Russian).

2. Cherneiko L. O., Iui I. A study of the functions of apology in the daily and public speech types. *IKBFU's Vestnik*, 2017, vol. 22, iss. 4, pp. 1141–1146 (in Russian).

3. Erokhina E. V. Publichnoe izvinenie gosudarstva: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Public apologies of the state: Russian and foreign experience]. In: *Aktual'nye voprosy ustoychivogo razvitiia Rossii v issledovaniakh studentov: upravlencheskii, pravovoi i sotsial'no-ekonomicheskii aspekty* [Topical issues of Russia's sustainable development in the students' research]. Cheliabinsk, Cheliabinskii filial Rossiiskoy akademii narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, 2018, pp. 60–63 (in Russian).

4. Koshkarova N. N. Public apology as Internet communication genre. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2018, no. 2, pp. 62–67 (in Russian).

5. Dubrovskaya T. V. *Sudebnyi diskurs : rechevoe povedenie sud'i (na material russkogo i angliiskogo iazykov)* [Judicial discourse : the judge's speech behaviour]. Moscow, Akademiya MNEPU, 2010. 351 p. (in Russian).

6. Sandlin J. K., Gracyalny M. L. Seeking sincerity, finding forgiveness: YouTube apologies as image repair. *Public Relations Review*, 2018, vol. 44, pp. 393–406.

7. Lewicki R. J., Polin B., Lount Jr. R. B. An Exploration of the Structure of Effective Apologies. *Negotiation and Conflict Management Research*, 2016, vol. 9, no. 2, pp. 177–196.

8. Ancarno C. When are public apologies ‘successful’? Focus on British and French apology press uptakes. *Journal of Pragmatics*, 2015, vol. 84, pp. 139–153.

9. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriia personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of the Russian culture : the category of personality in lexicon and pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013. 336 p. (in Russian).

10. Karasik V. I. *Iazykovoie proiavlennie lichnosti* [Language manifestation of the personality]. Moscow, Gnosis Publ., 2015. 384 p. (in Russian).

11. Moskvina V. P. *Metody i priemy lingvisticheskogo analiza* [Methods and means of the linguistics analysis]. Moscow, Flinta Publ., 2015. 224 p. (in Russian).

12. Serl' Dzh. R. Klassifikatsiia illokutivnykh aktov [The classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1986, iss. 17, pp. 170–195 (in Russian).

13. Larina T. V. *Kategoriia veshlivosti i stil' komunikatsii : Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [The category of politeness and the style of communication: Comparison of English and Russian linguo-cultural tradition]. Moscow, Pukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009. 512 p. (in Russian).

14. Rattmair R. *Pragmatika izviniia : Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo iazyka i russkoi kul'tury* [Pragmatics of apology. Comparative study on the material of Russian language and Russian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 272 p. (in Russian).

15. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [The model of speech genre]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs “Koledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98. (in Russian).

16. Gosudarstvennaia Duma. *Stenogramma zasedanii* [State Duma. Short-hand notes]. Moscow, 2012, vol. 29 (197). 784 p. (in Russian).

17. Serebriakova E. G. The literary-publicistic heritage of dissidents as object of cultural studies. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2015, iss. 3, no. (19), pp. 17–25 (in Russian).

18. Bukovskii V. *I vozvrashchaetsia veter ...* [And the wind returns ...]. New York, Khronika Publ., 1978. 390 p. (in Russian).

19. Gamsakhurdia Z. *Fragment d/f “Gruzii – odna”* (The fragment of the documentary “There is only one Georgia”). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=wViYjZD5wac> (accessed 09 January 2020).

20. Maslova V. A. Repentance: human life, activity concept or genre? *Speech Genres*, 2016, no. 1 (13), pp. 94–99 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-94-99>

21. Karmanova S. V. Ob osobennostiakh istoricheskikh izmenenii zhanra pokayaniya [About features of historical changes of the genre repentance]. In: *Iazyk i sotsial'naiia dinamika* [Language and social dynamics]. Krasnoyarsk,

Sibirskii gosudarstvennyi universitet nauki i tekhnologii imeni akademika M. F. Reshetneva, 2014, pp. 23–28 (in Russian).

22. Крапивкина О. А. On the way of subject verbalisation in juridical discourse. *Science Vector TGU*, 2015,

no. 2 (32-1), pp. 111–114 (in Russian).

23. Koshkarova N. N., Iakovleva E. M. Discourse of new emotionality: communicative practices of digital reality. *Political linguistics*, 2019, no. 5 (77), pp. 147–152 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кощкарова Н. Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 214–221. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-221>

For citation

Koshkarova N. N. Public Apology: Yesterday, Today, Tomorrow. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 214–221 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-221>

Поступила в редакцию: 15.01.2020 / Принята: 15.03.2020 /
Опубликована: 31.08.2020

Received: 15 January 2020 / Accepted: 15 March 2020 /
Published: 31 August 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)